

Ранний вечерний свет Турина, выбросил мягкое свечение на булыжные улицы, когда Клаудио поспешил на станцию. Его сердце стучит как с волнением, так и с оттенком беспокойства. Кожаный развод катился с плеча, наполненный несколькими одеждой, ноутбуком и романом в мягкой обложке, который видел лучшие дни. Он собирался сесть на ночной поезд в Париж, путешествие, которое забрало его из теплых объятий своего маленького итальянского города в течение целого месяца. В воздухе был аромат эспresso и свежую выпечку, доносящуюся от близлежащих кафе, утешительный аромат, который, казалось, шептал сладкому дому в ухо, когда он вошел в шумную станцию.

Поезд отодвинулся от платформы с бруткой, и Клаудио оказался в отделении с тремя местами с обеих сторон, проход, ведущий к окну и раздвижной дверь, которая отделяла их от остального мира. Он глубоко вздохнул, запах кожи и слабый намек на дизельные пары, смешанные с затыжным вкусом поцелуя Лоретты на его губах. Он не мог удержаться от довольного вздоха, когда он прислонился головой к прохладному стеклу, наблюдая, как пейзаж проходит мимо, когда город уступил место сельской местности.

С толчком, поезд поднял скорость, ритмичный щелчок колес по пути, усыпляя его в чувство комфорта. Память о обнаженной форме Лоретты, ее мягких изгибах и нежного склона ее шеи, танцевали через его разум. Это был день первых, предварительных прикосновений, которые стали смелее с каждым моментом. Он видел ее полностью, почувствовал, как ее сердце мчалось на его ладонь, попробовал сладость ее кожи. Это была близость, которая была взволнована и испугала его, между ними разделился секрет, который, казалось, пробивал его вены с каждым ударом его сердца.

Когда солнце опустилось под горизонт, отбрасывая отсек в теплом, янтарном свете, Клаудио почувствовал вес своего решения попросить Лауретту показать себя ему. Он надеялся, что этого будет достаточно, чтобы провести его через недели, визуальную память, чтобы согреть холодные, одинокие ночи в маленькой парижской квартире его матери. Тем не менее, когда он смотрел, как итальянский пейзаж разворачивается перед ним, он не мог не почувствовать оттенка стремления к девушке, которую он оставил позади.

Ожидание их воссоединения росло с каждой милей, которая простиралась между ними, наполнив его странным сочетанием волнения и страха. Что она будет о нем сейчас подумать? Будут ли их отношения превратиться в нечто более глубокое, или он слишком рано подтолкнул ее?

Голос дирижера повторился через коридор, объявив следующую остановку, и мягкое влияние поезда начало усыпить Клаудио в беспокойный сон. Изображения Лауретты остались в его голове, немой фильма, разыгрывающей свои интимные моменты. Ее глаза, наполненные сочетанием любви и уязвимости, искали свои собственные, молча спрашивая, был ли это правильным выбором. Он надеялся, что это было, потому что теперь, когда тьма ночи охватила поезд, все, что у него было, было воспоминанием о ее прикосновении, ее шепоте и обещании будущего вместе, которое казалось таким же обширным и непредсказуемым, как путешествие, которое он собирался предпринять. Клак поезда стал мягче, отсек стал тише, а вес надвигающегося месяца в Париже стал тяжелее. Тем не менее, укрытый в коконе своих мыслей, Клаудио почувствовал мерцание чего-то теплого и обнадеживающего. Это было невысказанное обещание, что независимо от того, насколько далеко они ни находились, их связь была столь же непоколебимой, как и те самые следы, которые унесли его от нее.

Когда поезд катился в ночь, синее сияние от огней отсека промылось на сиденья. Мягкий шум пассажиров, поселившихся в койках на ночь, стал колыбельной, и Клаудио почувствовал, что усталость дня начала претендовать на него. Он уложил, кожа сиденья прохладной и твердой под ним, и позволил нежному качанию кареты смягчить его во сне. Это был пристальный сон, наполненный яркими мечтами о Лоретте и страстным днем, который они поделились.

Ритмическое движение поезда было прервано внезапным толчком, когда оно остановилось на французской границе. Огни мерцали, когда локомотив был заменен, и шум голосов стал громче за пределами двери отсека. Он распахнулся, и в ее 30-е годы вступили классная, элегантная женщина, ее каблуки щелкнули на пол, когда она осмотрела пространство. Она заметила открытое место напротив Клаудио, и, с кивком тихого согласия, она заняла свое место. Ее глаза ненадолго встретились, зная улыбку,

играющую на ее губах, прежде чем она открыла свою книгу, и включила свой свет, погрузившись в слова на странице.

Claudio studied her from the corner of his eye, taking in her chic attire and the way she carried herself with an air of confidence that seemed so at odds with the quiet, almost shy, demeanor of Lauretta. Глаза женщины отказались от ее книги, поймав его в его оценке, и она предложила теплую улыбку, которая заставила его чувствовать себя желанным и немного смущенным. Он быстро предотвратил свой взгляд, вместо этого сосредоточившись на тьме за окном. Поезд вернулся к жизни, двигатели нового локомотива напрягались, когда он снова собирался.

Женщина напротив него оставалась поглощенной в своей книге, мягком шелесте страниц и случайным вздохом единственные звуки в отделении. Несмотря на его усталость, Клаудио было трудно заснуть с ее присутствием так близко. Он почувствовал странное сочетание любопытства и желания, его разум бродил обратно к образам Лоретты, которые заняли его всего за несколько минут назад. Парфюм женщины, волнистый аромат жасмина и сандалового дерева, наполнил пространство вокруг них, резко контрастирующий с слабым ароматом лавандового мыла Лоретты. Поезд ускорился всю ночь, кокон стали и света среди обширной, непостижимой темноты сельской местности.

Часы, проведенные по сравнению с устойчивым ритмом поезда в качестве метронома в тихой симфонии их общего пространства. Глаза женщины выросли от сна, и она тоже в конце концов закрыла свою книгу, положив ее на место рядом с ней. Мягкое сияние ее света чтения бросает тени на ее лице, подчеркивая изгиб ее скул и линии ее шеи. Клаудио почувствовал странное чувство мира, омывающее его, спокойствие, которое, казалось, исходило из самой ядра самой вселенной.

С глубоким вдох, он закрыл глаза, желая, чтобы его гоночные мысли стали неподвижными. Ароматы кожи, дизеля и парфюмы женщины слились в странный, но утешительный букет, который, казалось, представлял путешествие впереди. Нежное качество поезда стало сердцебиением ночи, постоянным пульсом, который обещал новый день и продолжение их историй. Когда поезд погрузился в глубины французской сельской местности, разум Клаудио, наконец,

уступил призыву сирены сон, оставив его во власти его мечты и шепота будущего, которые лежали прямо за горизонтом.

Внезапно рука, мягкая и теплая, коснулась его бедра. Будучи летом, Клаудио путешествовал в паре шорт, оставляя его спортивные ноги голыми. Это были самые легкие прикосновения, просто перья, чистившая его кожу. Его глаза открылись, его сердце мчалось. На мгновение он подумал, что это Лоретта, что она каким -то образом последовала за ним в поезде, призрачное явление утешает его в его одиночестве. But as the hand grew bolder, sliding up his leg, he realized it was not a figment of his imagination. Женщина напротив него сняла туфли, теперь она стояла на коленях на покрытом ковре, ее рука теперь продолжала ласкать его ногу. Шок от ее прикосновения был как молния, выбросив его из его получительного состояния.

Он задержал дыхание, не зная, что делать. Глаза женщины оставались фиксированными на нем, маленькая улыбка играла на ее губах, как будто она знала, какое влияние она оказала на него. Рука на его бедре стала более настойчивой, ее рука двигалась выше, ее пальцы пашили чувствительную кожу над коленом. Мысли Клаудио мчались. Это было не то, что он ожидал, а не то, что хотел. Но в ситуации было что -то бесспорно дразнящее, ощущение, которое было таким же страхом, как и желание.

Он заставил его глаза, запирающиеся с ее. Она не вздрогнула, не отступила, а скорее провела его взгляд с интенсивностью, которая, казалось, сжигала ткань ночи. На мгновение мир за пределами отделения прекратился, и их были только двое, связанные с тихим пониманием, которое преодолело барьеры уместности. Он почувствовал странное сочетание эмоций: гнев, растерянность, волнение и намек на что -то более темное, что -то первичное.

Рука на его ноге выросла, и улыбка женщины стала шире, как будто она читала его мысли. Она наклонилась ближе, ее дыхание горячо к его уху. "Вы хотите, чтобы я остановился?" Прошептала она, ее голос - соблазнительный мурлыки, который, казалось, резонировал в его самых костях. Клаудио проглотил, его глаза бросились к двери отсека. Он знал, что от него ожидалось, чего будет ожидать от него Лоретта. Но очарование неизвестного,

ощущения от запрета, было слишком мощным, чтобы сопротивляться. Он глубоко вздохнул, его разум мчался с возможностями того, что было впереди.

«Нет», пробормотал он, его голос едва ли выше шепота. "Не останавливайся". С этими словами он пересек линию, вступив в сферу искушения, которую он никогда раньше не осмелился исследовать. Улыбка женщины выросла, и она откинулась на свое место, ее нога отступила. «Хорошо», – сказала она, ее голос низкий и знойный. «У нас впереди долгий путь, и я обнаружил, что эти тихие моменты лучше всего проведены».

Поезд гулял в ночи, звук его колес на трассе неумолимо напоминание о расстоянии между ним и Лореттой. Тем не менее, когда рука женщины снова нашла свой путь к нему, Клаудио не мог не почувствовать, что его путешествие только начинается. Вес его решения побаловать себя этим новообразованным искушениям становился все тяжелее за каждую секунду, но волнение неизвестного было призывом Сирены, который становился все громче, чем его вина. И когда свет следующей станции стал ярче на расстоянии, он знал, что еще не был готов повернуть назад, что очарование незнакомца ночью было слишком сильным, чтобы сопротивляться.

Команда женщины была дана низким знойным голосом, который, казалось, резонировал через его ядро. «Лежа и закрывай глаза», – проинструктировала она, ее слова – нежная ласка, которая послала дрожь по его позвоночнику. Клаудио на короткое время колебался, вес его решения тяжело, но очарование было неоспоримым. Он повиновался, откинувшись на сиденье и позволив ей расстегнуть пояс. Звук кожи, которая задевается, был похож на открытие коробки Пандоры, высвобождающую сдерживающее напряжение, которое строилось внутри него с тех пор, как они сели на поезд.

Ее руки, нежные, но твердые, переместились на кнопку его шорт. Она не торопилась, наслаждаясь ожиданием, ее глаза никогда не покидают его. Когда ткань рассталась, и его эрекция выросла, прохладный воздух отсека промылся над ним, резко контрастирующий с жарой, которая сторела внутри. Она протянула руку, кончики пальцев слегка выпали чувствительную кожу его стержня, посылая толчок удовольствия через его тело. Нежное прикосновение стало

более смелым, когда она взяла его в свою руку, поглаживая его навыком, который говорил об опыте и знании, который, казалось, увлекся самой душой его желаний.

Когда поезд гулял, тьма отсека была прокола только тусклым светом ночи на улице и мягким светом лампы для чтения над ней. Ее лицо было маской тень и света, видение искушения, которое взволновало и преследовало его. Он почувствовал, что его тело отвечало на ее прикосновение, его бедра поднимаются, чтобы встретить ее удары. Аромат ее духов наполнил его ноздри, смешиваясь с мускусным ароматом возбуждения, который теперь заполнил небольшое пространство.

Глаза Клаудио оставались закрытыми, его дыхание неглубоко и быстро. Ощущения были ошеломляющими, симфония удовольствия, которая, казалось, заглушала щель колес и шут пассажиров в коридоре. Он знал, что каждую секунду приближала его к предательству, которое может разбить его сердце, но призыв сирены был слишком сильным, чтобы сопротивляться. Его разум был шум мыслей, вихрь страсти и вины, поскольку рука женщины продолжала свои сладкие мучения. Тем не менее, по мере роста напряжения, его решимость увидеть это, чтобы испытать эту мимолетную связь и, возможно, найти часть себя, которая была скрыта под поверхностью его невинности.

Путешествие поезда отражало бурное путешествие сердца Клаудио, каждая миляция завещала на расстояние, которое он был готов путешествовать от безопасности своей любви к Лоретте. Он знал, что когда солнце поднимется над Парисом, он навсегда изменится, что его месячный пребывание будет не просто визитом к его матери, а в путешествии в глубину его собственной души. И когда прикосновение женщины привело его к грани, он сдался до момента, отпустив свои страхи и запреты.

Ее рука была заменена мягким, влажным теплом ее рта, и мир Клаудио сузился до ощущения ее губ вокруг него. Это был его первый раз, когда переживал *Fellatio*, ощущение, которое было так же волнующе, как и ужасно. Он схватил кожаную обивку, его костяшки белые с усилием сдерживаться. Глаза женщины никогда не покидали его, как будто она могла видеть, как бухгалтерий бушевал в нем, как будто она наслаждалась силой, которую она обладала над

ним. Ее язык танцевал против чувствительной кожи, ее движения ритмично и точны, притягивая его ближе и ближе к краю.

Звук колесов поезда стал громче в его ушах, в том, что он наносит удар по метроному до его строительного кульминации. Он чувствовал натяжение напряжения внутри него, подтянув, как весна, которая собирается щелкнуть. Рука женщины теперь была на его груди, ее ногти копались достаточно, чтобы напомнить ему, что она реальна, что это происходит. А затем, с последним глубоким погружением в ее рта, мир разбился на миллион кусочков удовольствия. Он откусил крик, его бедра поднимались вверх, когда он достиг своего пика, тепло его освобождения заполняет ее рот.

Женщина снялась, зная улыбка, играя на ее губах. Она вытерла рот нежным носовым платком, ткань явной белой к темноте ее платья. «Добро пожаловать во Францию», – пробормотала она, ее голос, мурлыки, который, казалось, резонировал в самом воздухе вокруг них. Клаудио лежал там, задыхаясь, его разум мчался с последствиями того, что только что произошло. Вина была холодной пощечиной, возвращая его к реальности с толчком. Он знал, что пересек линию, что не было назад. Но когда поезд ускорил всю ночь, он не мог не почувствовать, что он также сделал первый шаг в новый мир, наполненный очарованием запрещенного и сладкого, сладкого вкуса искушения.

Когда поезд въехал на шумную станцию Гэре де Лион, Клаудио проснулся с началом. Свет был другим, ярче, и звуки станции наполнили его уши: крики носильщиков, шипение паровых двигателей и мурм ранней утренней толпы. Он сел, его сердце мчалось и осмотрел купе. Женщина исчезла, ее место теперь опустошено, носовой платок с ее помадой пятно, отдыхая в его кармане, как молчаливый стражи его неосторожности.

Дезориентированный, он проверил свои часы, руки, указывающие на время, которое казалось слишком рано и слишком поздно. Он заснул, и теперь реальность его ситуации промыла его, как холодный душ. Все ли это было мечтой? Аромат ее духов все еще задержался в воздухе, и тепло ее прикосновения было отпечатано на его коже. Это было так реально, таким осязаемым.

Он протиснулся в карман, его рука закрылась вокруг платка. Это было реально, ткань тактильным доказательством его трансгрессии. Он почувствовал отвод вины, его мысли сразу же дрейфуют к Лоретте и обещание, которое он дал ей. Тем не менее, было также странное ощущение, чувство волнения, которое он не мог подавить. Он сделал что-то дикое и безрассудное, что-то, что противоречило всему, что он знал, что должен чувствовать.

Когда он собрал свои вещи, поезд полностью остановился, Клаудио почувствовал вес своего решения, давившись на него. Он знал, что должен сказать Лоретте, что не может нести бремя своего секрета в одиночестве. Предстоящий месяц в Париже вдруг почувствовал себя не похоже на отпуск и больше как испытание, испытание его любви и его честности. Он вышел на платформу, прохладный утренний воздух резко контрастировал с удушающей жарой отсека и глубоко вздохнул, наполняя его легкие запахом нового города.

С тяжелым сердцем он пробился через переполненную станцию, носовой платок – молчаливое напоминание о его действиях. Он знал, что ему придется найти способ сбалансировать свою любовь к Лауретте с желаниями, которые теперь сторели внутри него, огонь, который был задержан таинственной женщиной в поезде. Когда он исчез в толпе путешественников, город Париж распространился перед ним, gobelen огней и тени, которые, казалось, содержали свои секреты. История путешествия Клаудио приняла неожиданный оборот, который бросил бы ему вызов таким образом, как он никогда не представлял, и тот, который навсегда изменил бы ход его жизни.

Небольшая квартира, расположенная в ярком сердце Парижа, была резким напоминанием о жизни, которую его мать построила для себя с момента их последней встречи. Стены были украшены искусством, которое говорило о ее утонченных вкусах, и запах ее любимых французских духов задержался в воздухе. Это было уютное пространство, наполненное комфортом знакомства, но ошеломленное волнением неизвестного. Установившись в гостевой спальне, эхо рассказы его матери о ее карьере в оборонной индустрии сыграли в его голове. Ее высокая спортивная рама и острый остроумие послужили ей хорошо, что

позволило ей легко ориентироваться в мире, где доминируют мужчины.

Первые несколько дней в Париже были вихрем переживания себя рутиной его матери и ее кругом друзей. Она была силой, с которой нужно считаться, ее страсть к ее работе в качестве адвоката в обороне, очевидным в том, как она говорила и продолжала. Ее открытость в отношении ее лесбийского образа жизни была освежающей, но она также подчеркнула резкий контраст между либеральной французской культурой и более консервативными ценностями, к которым он привык в Турине со своим отцом. Несмотря на их различия, связь между ними была непоколебимой, свидетельство о любви, которая собрала их вместе.

По вечерам Клаудио оказался потерянным в своих мыслях, истории его матери о ее летнем романе, когда его отец играл, как горько-сладкая мелодия в своем уме. Итальянский журналист запечатлел ее сердце так, как ни у кого больше не было, оставив неизгладимый след в обеих жизнях. Ее глаза загорелись, когда она говорила о нем, мягкость, которая заставила его скучать по человеку, с которым он вырос. Их связь, хотя и далекая, оставалась жизненно важной нитью, которая связывала его с его корнями.

В тихие моменты между шумом города и теплыми объятиями дома его матери Клаудио написал Лоретту. Каждое письмо было признанием, декларацией любви и просьбой к пониманию. Он излил свое сердце, подробно описывая свою борьбу с искушением и его непреклонную преданность ей. Слова вытекали из его ручки, чернила, окрашивая страницы интенсивностью его эмоций. Тем не менее, встреча с поездом оставалась невысказанной, секрет, который повернулся на его совесть с каждым ударом ручки. Он хотел разделить бремя, но страх держал его язык. Вместо этого он нарисовал картину Парижа, которая была очаровательной и собственной тюрьмой.

Когда дни растягивались на недели, вина его действий стала тяжелее. Каждый раз, когда он видел гордому улыбке своей матери или чувствовал тепло ее объятий, ему напомнили о обещании, которое он дал Лоретте. Расстояние между ними было не просто географическим; Это была пропасть, которая стала шире с каждым невысказанным

словом. Послой остался в его кармане, тихий призрак его неосторожности.

Город за пределами квартиры поманил своим очарованием огней и звуков, новых начинаний и скрытых желаний. Тем не менее, каждый шаг, который он сделал, чувствовал себя как предательство. Каждый бульвар, который он прогуливался вниз, каждое кафе, которое он посетил, прошептал имя женщины из поезда. Она была повсюду, а нигде – призраком, который преследовал его мысли и подпитывал его тоску. Напряжение между его любовью к Лоретте и вызовом сирены его вновь обретенных желаний было канатом, который он ходил со дрожащими ногами.

Однажды вечером, когда он сидел в тихом уголке смутно освещенного кафе, наблюдая, как проходят парижцы, его мать обнаружила, что он потерялся в мысли. Она села напротив него, ее глаза наполнились знанием грусти, которая пронзила его фасад. "Что вас беспокоит, моя любовь?" спросила она, ее французский акцент обернулся вокруг итальянских слов, как мягкие объятия. Он колебался, слова прилипали в его горло, но она терпеливо ждала, ее рука протянула руку, чтобы покрыть его.

Впервые Клаудио подумал о том, чтобы доверять ей, разделяя бремя, которое ела на него. Но когда он открыл рот, чтобы говорить, слова остались в ловушке, попавшие в сеть его собственной вины. Вместо этого он говорил о своем волнении за город, искусство и культуру, которые лежали перед ним, и радости их воссоединения. Она слушала, ее взгляд никогда не колебался и предлагала мягкую улыбку, которая, казалось, понимала больше, чем он мог сказать. Именно в тот момент он понял, что, возможно, месяц в Париже был не просто испытанием его любви к Лоретте, но и шанс понять сложный гобелен его собственного сердца.

Однажды вечером, когда они разделили бутылку вина, стены квартиры чувствовали себя особенно репрессивно, Клаудио глубоко вздохнул и рассказал о своем опыте на поезде своей матери. Она пристально слушала, ее глаза никогда не покидали его лицо, когда он описал знойный голос женщины и то, как ее прикосновение заставило его чувствовать себя живым так, как никогда раньше. Слова вытекали из него, исповедание, которое слишком долго гневало.

Когда он говорил, вес его вины стал легче, его голос дрожал от каждой детали, которую он разделял. Выражение его матери оставалось спокойным, маска понимания, которая не дала суждения. Когда он закончил, она сделала глоток своего вина, тишина простиралась между ними, как самая ткань времени. Наконец, она говорила, ее голос нежный, но твердый. «Мой дорогой Клаудио, ты не предал Лоретту», – сказала она, положив руку на его. «У вас была физическая реакция, акт биологии, а не сердце. В этом нет ничего плохого».

Ее слова были бальзамом для его души, но укус его секрета оставался. «Вы должны сказать ей, но не сейчас», – продолжила она. «Когда вы возвращаетесь в Турин, когда вы снова вместе, тогда вы должны говорить. У секретов есть способ гнойной, стать чем-то большим, чем то, чем они есть. Но пока наслаждайтесь своим временем. Учитесь на этом опыте, пусть это будет частью того, кем вы становитесь».

Ее совет задержался в воздухе, маяк ясности в тумане его вины. Он знал, что она была права; Он должен был найти способ примирить человека, которым он был с человеком, которым он хотел быть для Лоретты. Женщина в поезде была моментом страсти, мимолетной встречей, которая оставила свой след, но это была не любовь.

Следующие несколько недель прошли в размытии музеев, художественных галерей и длинных прогулок по берегам Сены. Клаудио бросился в город, стремясь поглотить свою культуру и отвлечь себя от своих бурных мыслей. Тем не менее, носовой платок оставался постоянным напоминанием, молчаливым спутником, который шептал за ночь, которую он поделился с незнакомцем.

По мере того, как дни стали короче, а воздух стал прохладнее, он обнаружил, что с нетерпением ждет возвращения домой. К знакомому Турину, теплу объятий Лауретты и к истине, с которой ему наконец придется столкнуться. Ожидание их воссоединения становилось все сильнее с каждым днем, необходимость признаться, сжигая ярче, чем огни Эйфелевой башни.

Но прежде чем он смог сесть на поезд обратно в Италию, у его матери был еще один сюрприз. «У меня запланирован

особый вечер», - сказала она, озорная мерцания в ее глазах. «Ты собираешься встретить кого -то очень важного для меня». Его любопытство пробилося, он согласился, не зная, что было впереди.

Ресторан, в который она взяла его, был маленьким и романтичным, спрятанным в осторожном переулке, который, казалось, пульсировал с сердцебиением города. Воздух был толстым с запахом чеснока и воска свечей, а тусклый осветительный отбрасывал тени, которые танцевали через стены. Именно там он встретил Жасмин, статускую женщину с кожей цветом полуночи и смехом, который мог бы осветить самый темный угол. Она возвышалась над ним, почти шесть футов в высоту, но ее нежность и чувство юмора были такими же разоружающими, как и удивительны.

Жасмин - любитель матери, только что обратно из деловой поездки в США. Ее присутствие было магнитным, притягивая всех в комнату, как мотыльку к пламени. И все же, в ней было что -то, что было невероятно утешительно. Когда они говорили и смеялись, напряжение в груди Клаудио ослабла, вина, которая была его постоянным компаньоном в этом путешествии, ускользала, как ночь снаружи. Вечер был вихрем историй и смеха, общего опыта и тихих моментов понимания. Жасмин рассказала о своих путешествиях, ее глубокой любви к его матери и радости, которую она нашла в маленькие моменты жизни. Ее страсть к жизни была заразной, и Клаудио почувствовал, что попадает под ее заклинание, тень женщины в поезде исчезала с каждым глотком вина.

Все они идут домой в квартиру Матери, и в течение ночи Клаудио отчетливо слышат, как ее мать и любовь ее любовника его не беспокоит, напротив, он теперь понимает, насколько приятно и важна сексуальная обмена между любовниками.

The next day, the conversation turns to relationships, and Claudio's mother, perhaps sensing his turmoil, shares her own experiences with love and temptation. Она откровенно говорит о своем путешествии к принятию, о борьбе, с которой она столкнулась в то время, когда такие отношения были менее приняты, и радость, которую она обретала, была верной себе. Ее слова резонируют с ним,

предлагая перспективу, которую он никогда не рассматривал раньше.

История может затем исследовать растущее признание Клаудио в его собственных желаниях и сложности любви и сексуальности. Он может встретить других персонажей в Париже, которые бросают вызов его предвзятым представлениям и помочь ему ориентироваться в его чувствах.

Однажды вечером, когда они сидели в уютной гостиной, Жасмин забрала его в сторону, ее темные глаза пронзили его. «Твоя мама говорит мне, что у тебя тяжелое бремя», – сказала она, ее голос так же гладкий, как бархат. «Иногда любовь требует, чтобы мы были смелыми, столкнулись с нашими страхами и приняли то, кто мы на самом деле».

Ее слова поразили отклик, и впервые Клаудио почувствовал искру надежды. Возможно, в этом месяце в Париже был не только искушение и вину, но и о понимании и росте. Когда они втроем сидели вместе, делясь историями и смехом, он понял, что любовь между его матерью и жасминой была не просто отражением их сексуальности, но и свидетельством силы самой любви.

Ночь выросла поздно, и свечи забили низко. Его мать и Жасмин отступили в спальню, оставив Клаудио своими мыслями. Звуки их любовью заполнили квартиру, симфонию страсти, которая была и чужой и странно утешительной. Именно в этом коконе принятия он нашел смелость, наконец, столкнуться с своей собственной правдой.

На следующий день, когда он прогуливался по берегам Сены, наблюдая за влюбленными, которые усеяли ландшафт, он достал платок. Он поддержал это на свете, алифковое пятно напоминанием о своих действиях. Дрожащими руками он принес его к носу, вдыхая слабый аромат ее духов. Пришло время отпустить вину, принять новую свободу, которую Париж предложил ему.

Однажды в пятницу днем Коринн мать Клаудио прибыла домой раньше, чем обычно, прося Клаудио приготовить легкую сумку, потому что их пригласили провести неделю на праздничной вилле Жасмин на побережье Нормандии. (Клаудио будет на пару с сестрой Жасмин 19 -летней сестры)

Путешествие на виллу было заполнено смехом и общими историями, трое из них связывались так, как Клаудио никогда раньше не испытывал. Сама вилла была живописным отступлением, окруженным пышными садами и соленым поцелуем океанского воздуха. Именно там он встретил Клару, младшую сестру Жасмин. Она была видением молодости и красоты, ее кожа – богатый карамельный оттенок, который контрастировал с полуночным цветом лица ее сестры. Ее глаза сверкали от вреда, и ее смех был заразительным.

На выходных Клара беззастенчиво флиртовала с ним, ее дразнящие взгляды и игривые штрихи, зажигающие огонь внутри него, который, как он думал, погашены. Несмотря на его более раннее решимость, он обнаружил, что привлечен к ней, химия между ними неоспоримой. Когда они танцевали под лунным небом, их тела качаются в ритме крутых волн, он знал, что не сможет сопротивляться гораздо дольше.

В тот момент Клара привела его в уединенное место в саду. Аромат цветущих роз смешался с соленом воздуха, когда она прижала его к каменной стене, ее поцелуи такие же жестокие, как море. Она научила его вещам, которые он никогда не знал, ее руки направляли его уверенностью, которая задохнулась. Это было образование в страсти, урок в искусстве, чтобы радует женщину, которая оставила его шатком.

Когда они складывались вместе, прохладный ветерок, шепчущий секреты листьев, Клара взяла его за руку и положила ее на голую кожу, молча призывая его исследовать. Он колебался, его разум мчался с мыслями о Лоретте, но она прошептала заверения на ухо, ее дыхание горячо к его шее. «Это для вас», пробормотала она, ее голос – призыв сирены, что он не мог устоять.

Дверь в спальню Клары открылась, мягкий свет пролился на затемненную коридор. Она втянула его внутрь, ее глаза никогда не покидали его, и закрыла дверь с мягким щелчком, который эхом эхом прошел через его душу. Комната представляла собой святилище бархата и атлас, свидетельством о упадке французской сельской местности. Аромат ее духов наполнил воздух, сладкий и

соблазнительный аромат, который заставил его головы вращаться.

Ее платье упало, показывая ее тело дюйма за дюймом, шедевр женских изгибов и мягкой кожи. Она вышла из одежды, ее глаза застегнули его, и взяла его за руку, положив ее на молнию в задней части ее платья. «Не торопись», – прошептала она, ее дыхание сжимало от ожидания. "Расстю меня."

Он почувствовал тепло ее тела через ткань, когда он медленно опустил молнию, его сердце стучало, как барабан в груди. Платье объединилось у ее ног, оставив ее только в ее кружевном нижнем белье. Она вышла из них с изяществом, которая казалась почти потусторонней, ее движения – танец соблазнения, который оставил его очаровательным.

Ее грудь была полной и твердой, ее соски тяжело от желания, и ее бедра изогнулись так, чтобы его рту вода. Он не торопился, наслаждаясь каждым моментом, отбрасывая слои ткани, которая защищала ее от его взгляда. Каждый дюйм открытой кожи был откровением, холстом страсти, ожидающим изучения.

Когда он встал на колени перед ней, его руки прослеживали линии ее тела, глаза Клары обыскали его, ища уверенность. Он предложил ей мягкую улыбку, его глаза произносили слова, которые его рот не мог. Дрожащими руками он снял ее нижнее белье, раскрыв красоту, которая была скрыта внизу. Ее ноги слегка дрожали, и она подошла ближе, ее тело чистилось его, когда она потянулась к его рубашке.

Их сердца мчались в унисон, когда они раздевались друг друга, воздух густой с обещанием того, что должно было произойти. Он встал, очевидно его собственное желание, и она приняла его обнаженную форму с благодарным взглядом, ее руки затянулись на мышцы его груди, аромат их общей страсти, висящей между ними.

Кровать, обширное дело шелкового и перья, вызвала их, сцена для их желаний. Они упали на него, путаница конечностей и страсти, вина его предыдущих нарушений, на мгновение забытых в жару на данный момент. Прикосновение

Клары было похоже на огонь, потребляя его, и он поддался адвому, стремясь исследовать каждый дюйм ее.

С помощью нежного, но твердого голоса Клара начала свой урок. «Во-первых, нежно поцелуйте их», – проинструктировала она, ее дыхание нагревалось на его ухо, пока она продемонстрировала с брюками с перьями. «Теперь, отстой», сказала она, взяв его за руку и направляя ее в свой сосок. «Но не слишком сложно», – предупредила она, ее глаза пристально наблюдали за ним, когда он следовал ее повелению.

Он принял ее совет, его губы ласкали ее нежную плоть с почтением поклонника перед своей богиней. Ощущение опьяняло, и она застонала от удовольствия, ее тело изогнулось на его прикосновение. Его зубы слегка выпали ее сосок, и она задохнулась, ее рука стреляла в затылок, чтобы поощрять его. The sound was all the confirmation he needed, and he continued, his mouth moving from one peak to the other in a rhythm that was as old as time itself.

Ее рука скользнула по его спине, направляя его ниже, пока он не оказался лицом к лицу с самой интимной частью ее. Он глубоко вздохнул, вдыхая ее аромат, опрометчивую смесь возбуждения и слабый намек на ее мыло. «Послушай», – прошептала она, широко раздвинув ноги, – посмотри, как она хочет тебя ».

Ее киска была произведением искусства, розовым и опухшим, блестящим от необходимости. Он никогда раньше не обращал внимания на пол пола девушки, всегда стремясь претендовать на него, не понимая его секретов. Но Клара была другой; Она учила его искусству любви, и он был ее нетерпеливым учеником. Он наклонился, его глаза прослеживали деликатные складки, мягкий насыпь ее монсов, как ее внутренние бедра встретились на момент ее бедер.

«Поцелуй ее», – проинструктировала Клара, ее голос знойным мурлыком. Он повиновался, прижимая губы к ее насыпи, чувствуя ее колчан под ним. Он нежно поцеловал ее, исследуя язык, пробуя соленость ее желаний. Она руководила его головой, показывая ему, как прижимать и

лизать, ее дыхание приходит в вздохи, когда он стал смелее.

Его язык нашел ее клитор, крошечную жемчужину удовольствия, которая казалось, пульсировала с каждым фильмом. Он осторожно сосал его, чувствуя ее бедра в ответ. Ее руки затянулись в его волосах, ее стоны растут громче, призывая его. Он изучил ее ритм, ее лайки и ее не любить, его собственное удовольствие, вторичное по отношению к ее удовлетворению.

Ее ноги начали дрожать, когда он работал своей магией, его язык углубился в ее влажность, исследуя каждый дюйм ее. Он почувствовал, как ее мышцы затянулись вокруг его пальцев, когда он толкнул глубже, ее тело изогнулось с кровати. Он наблюдал за ее лицом, изучение экстаза, когда он приблизил ее и ближе к краю. Власть, которую он держал, была опьяняющей, и он почувствовал всплеск гордости за свой вновь обретенный навык.

Наконец, с криком, который эхом переехал через виллу, Клара достигла своего кульминации, ее тело суетировалось на его рту. Он не остановился, катаясь на волне ее удовольствия, наслаждаясь каждым спазмом. Когда она, наконец, рухнула на подушки, затаив дыхание и насыщенный, он отступил, чувство выполненного долга заполнило его. Она посмотрела на него со смесью чуда и желания, ее глаза застекнулись страстью.

"Now, for your turn," she purred, her voice still husky from her own release. Она расположилась над ним, ее влажность покрывала его эрекцию. Он наблюдал, как она взяла его в руку, ее стройные пальцы обнимаются вокруг его длины, поглаживая его твердостью, которая заставила его бояться. Он был так близко, очень близко к выпуску, но у нее были другие планы.

С злой улыбкой Клара взяла его в рот, ее язык кружился вокруг головы его члена. Он ахнул, ощущение, в отличие от всего, что он когда-либо чувствовал раньше.

Ее техника была изысканной, мастер-класс в удовольствии. Она взяла его глубоко, ее щеки выпали, когда она сосала,

только чтобы отступить и дразнить совет самым легким из поцелуев. Каждый insult приближал его к пропасти, но она была опытной дирижером этой симфонии, всегда отступая в последний момент. Его бедра были, искали больше, его руки с разочарованием сжимали листы.

Ее глаза никогда не покидали его, когда она работала с ним, желание в них только питает его. Он мог чувствовать создание давления, тепло, поднимаясь от его ядра, пока это не было все, что он мог сделать, чтобы удержать. Она знала, сколько он мог взять, ее рот – порок, который предлагал как мучения, так и спасение.

Затем, со скоростью, которая застала его врасплох, она оседлала его, ее влажность охватила его, когда она опустилась на его вал. Чувство было неопишным, стеснение ее захвата вокруг него почти болезненно по своей интенсивности. Она начала раскачивать бедра, устанавливая ритм, который был мучительно медленным, ее глаза никогда не покидали его. Он наблюдал, как она взяла под свой контроль, ее грудь подпрыгивала с каждым движением, ее выражение одной из чистой концентрации.

Он чувствовал напряжение в его теле, наматывающееся крепче и крепче, его мышцы напрягались от удовольствия, которое она ему давала. Her movements grew more deliberate, her breathing more ragged. The world narrowed down to the feeling of her body against his, the slick slide of her flesh, the warmth of her embrace. А потом, как будто плотина сломалась, он почувствовал сейсмический взрыв своего оргазма, его тело вбрасывалось, когда он пролился в ее приветственное тепло.

Двое из них лежали там, тяжело дыша и потные, афтерские толчки удовольствия все еще протекают через их тела. Это был момент идеального понимания, тихое общение, которое не нуждалось в словах. Они пересекли линию вместе, исследовали часть себя, которая была новой и захватывающей, и при этом они стали ближе.

Когда они лежали там, переплетенные в мягких объятиях бархатных листов, Клара наклонилась, чтобы шептать ему на ухо: «Вы видите сейчас, любовь – это не просто принять, но и о том, как учиться, о росте вместе». Ее слова повторились в его голове, нежное напоминание о

путешествии, которое он начал в этой очаровательной французской вилле, путешествие, которое навсегда изменит то, как он увидел любовь и желание.

Клаудио проснулся в субботу утром, все еще в спальне Клары, со странным и таким вкусным сенсацией, открытые глаза, он увидел, как Клара облизывала и сильно сосала свою эрекцию для утреннего утреннего, на этот раз – сильный быстрый релиз.

Ее глаза встретились с ним, озорной улыбкой, играющей на ее губах, когда она взяла его в рот, ее движения быстро и уверены. Он смотрел, очарованная, когда она работала с ним с навыком, который был удивительным и невероятно возбужденным. Ощущение было непохож на все, что он когда-либо чувствовал, смесь удовольствия и освобождения, которые заставили его пальто скручиваться.

С стоном, который был более животным, чем человеком, он почувствовал, как его кульминационное здание, его тело напрягалось, когда она взяла его глубже, ее язык щелкнул на его чувствительные места. А потом он промыл его, волна чистого экстаза, которая оставила его дрожащим и слабым. Он пришел сильно, наполняя ее рот, интенсивность ощущения, оставив его затаив дыхание.

На мгновение они остались такими, ее голова все еще наклонилась над ним, ее глаза закрылись в концентрации, когда она проглотила каждую каплю. Затем, с последним, затяжным поцелуем к голове его члена, она отстранилась, вытирая рот задней частью руки. «Доброе утро», – сказала она с усмешкой, ее голос был наполнен удовлетворением. "Я доверяю, что ты хорошо спал?"

Он мог только кивать, его горло было плотно от эмоций. Близость этого акта, грубая честность их страсти, оставила его безмолвным. Он знал, что он будет нести этот момент с ним навсегда, между ними разделяется секрет, который навсегда изменит ход его жизни. Выходные на вилле только начались, и у него было ощущение, что это будет то, что он никогда не забудет.

Но звук голосов его матери и Жасмин, зовущих их на завтрак из внизу внезапной проверки реальности. Он сел,

смесь волнения и страха, пробираясь по нему. Как бы он столкнулся с ними после того, что произошло между ним и Кларой? Они узнают? Смогут ли они сказать?

Он посмотрел на Клару, которая теперь так сильно растянулась на кровати, ее обнаженная образует видение красоты. Она привлекла его внимание и подмигнула, напряжение в комнате рассеивалось, как туман на утреннем солнце. «Не волнуйся», пробормотала она, ее голос ласкал. «Мы сохраним этот маленький секрет».

С этим она встала с постели и начала одеваться, двигаясь с легкой грацией, которая противоречила страстной ночи, которую они только что поделились. Он последовал примеру, его тело чувствовал себя как насыщенным, так и жалким. Когда они спускались вниз, их шаги в синхронизации, он не мог не украсть взгляды на нее, его разум мчатся с мыслями о том, что могут провести выходные.

Неловкость была ощутимой, когда они вошли в столовую, воздух густой с ароматом свежее испеченного хлеба и вареного кофе. Его мать и Жасмин обменялись, зная улыбки, их взгляды затянулись на него и Клары, прежде чем они вернулись к своим тарелкам. Они знали, он понял с началом, и все же они ничего не сказали. Как будто они давали свое молчаливое благословение, погружение на сложный танец любви и желания, который разворачивался на их глазах.

Еда прошла в размытость из принудительных разговоров и скрытых взглядов, напряжение между ним и Кларой восхитительный секрет, который, казалось, взимал самый воздух вокруг них. С каждым укусом, с каждым глотком сока, он чувствовал, что его решимость будет верной для Лауретты колебания, воспоминания о Кларе прикасаются к призыву сирены, который становился все громче с каждым прохождением.

Выходные, протянутые перед ними, на холсте неисследованных возможностей. И когда они сидели там, в теплых объятиях виллы, он знал, что собирается отправиться в путешествие, которое бросит вызов всему, что, по его мнению, он знал о любви, желании и о себе.

Остальная часть выходных была размытой страстных встреч и украденных моментов, грань между любовью и похотью, размытая с каждым поцелуем, каждая ласка. Клара была ненасытной, ее голод для него таким же сильным, как и заходящее солнце, и он с нетерпением соответствовал ее темпе, его тело и душу жаждали ее.

Они исследовали территорию виллы, соленый ветерок из океана, играя с их волосами, когда они занимались любовью в песчаных дюнах, звук волн постоянно напоминает о бурном море эмоций, взбивающих его. Они были как два животных в жаре, неспособные удержать руки друг от друга, их тела говорили на языке, который был таким же старым, как и само время.

По вечерам они возвращались на виллу, их кожа липкая солью и потом, их сердца стучали от нечто большее, чем просто усилия. Они будут принимать душ вместе, вода каскада над их переплетенными телами, смыла песок и вину. Именно в те моменты он чувствовал себя по-настоящему живым, его чувства усилились, его желания обнажили.

В воскресенье вечером, когда они упаковали свои сумки, чтобы вернуться в Париж, Клара взяла его за руку, ее глаза мерцали со смесью грусти и надежды. «Нам никому не нужно говорить», – сказала она, ее голос шепотом. «Мы можем сохранить это между нами».

Он кивнул, понимая гравитацию того, что она говорила, последствия их действий. Но в глубине души он знал, что в эти выходные его изменили, что он никогда не будет прежним. Он попробовал запрещенные фрукты, и сладость его задержалась на его губах, дразнящее обещание о том, как еще больше.

Когда они сели на поезд обратно в Париж, город огней манят на расстоянии, он почувствовал странное сочетание волнения и трепета. Что будет дальше? Вернется ли он в Лоретту, его сердце навсегда изменилось в объятиях Клары? Или он найдет способ сбалансировать любовь, которую он имел к ним обоим, ориентироваться в сложной паутине желания, которая теперь определила его жизнь?

Поезд вышел из станции, в сельской местности размыто зеленого и золотого, когда они ускорились к городу. Он крепко держал руку Клары, их тела закрылись, тепло ее

кожи утешило прохладного вечернего воздуха. Будущее было неопределенным, но сейчас все, что имело значение, было настоящее, ощущение ее рядом с ним и обещание более страстных ночей.

В шумном сердце Парижа реальность их ситуации выросла. Клара представила его своему кругу друзей, художников и поэтов, свободных духов, которые приняли любовь во всех ее формах. Он наблюдал, как она флиртовала и целовалась как мужчин, так и женщин, ее смех звучит как колокол, звук, который взволновал и беспокоил его.

Тем не менее, когда они были одни, она была все его, ее внимание было сосредоточено исключительно на нем. Он обнаружил, что ее бисексуальность была не просто фазой, а глубокой частью ее личности, истины, которую она обняла и лелеяла. Ее любовь к нему была реальной, но она не уменьшила ее стремление к другим. Это было откровение, которое заинтриговало и бросило ему вызов.

Дни проходили в вихре художественных галерей и ночных кафе, глубоких разговоров и даже более глубоких поцелуев. Он обнаружил, что втянулся в мир Клары, ее открытость к любви и сексуальности резко контрастирует с более жесткими границами его собственного воспитания.

Но с каждым днем вес его секрета становился все тяжелее. Он знал, что не может оставить Клару при себе в себя, что она была существом мира, предназначенного для того, чтобы любить и быть любимым многими. И все же, мысль о том, чтобы поделиться ее, принесла оттенок ревности, которая была такой же резкой, как нож. Он был разрывается между своей любовью к Лоретте и всепоглощающей страстью, которую Клара пробудила в нем.

Напряжение стало ощутимым, шторм, пивавшим на горизонте их любовного романа. Он знал, что не может скрывать свои чувства навсегда, что истина в конечном итоге появится. И когда они лежат в постели, запах их любовью затягивается в воздухе, он принял решение, которое навсегда изменило бы курс их отношений.

С дрожью в голосе он прошептал свою правду Кларе, его сердце стучало, как барабан. «Я люблю тебя», – сказал он,

слова как признание и просьба. «Но я не такой, как ты. Я разрываюсь между своей любовью к Лоретте и страстью, которую мы разделяем».

Глаза Клары искали его, мерцание понимания, пересекая ее черты. Она взяла его за руку, ее большой палец прослеживал ленивые круги на его ладони. «Любовь—это не игра с нулевой суммой, Клаудио»,—сказала она, ее голос мягкий и успокаивающий. «Вам не нужно выбирать. Вы можете любить нас обоих, по -своему».

Ее слова резонировали внутри него, откровение, которое потрясло самое ядро его существа. Он никогда не рассматривал возможность любви, которая может охватить более одного человека, более одного сердца. Но когда он смотрел в ее глаза, он увидел правду о ее словах, глубину ее любви, которая была такой же обширной, как океан.

За три дня до того, как ему пришлось вернуться в Турин, Клара пригласила его на прощальный ужин в своей маленькой студенческой студии. Девушка, разделяющая квартиру, была на свидании, оставив их в покое на ночь. Квартира была отражением самой Клары, наполненной яркими картинами и скульптурами, бунтом цвета и чувственности.

Ужин был праздником французских деликатесов, вино свободно течет, когда они говорили и смеялись, их тела касались вида проходящих тарелок и наполнения очков. Воздух был густым с ожиданием, молчаливое обещание того, что принесет ночь.

Когда они очистили стол, Клара повернулась к нему, ее глаза блестят от восторга. «Давайте сделаем эту ночь, чтобы вспомнить», — сказала она, ее голос — соблазнительным мурлыком. Он знал, что она имела в виду, и его тело ответило от восторга, которое удивило его.

Они переехали в спальню, стены выстланы книгами и свечами, мерцающими на комод. Она толкнула его на кровать, ее руки бродили по его телу, когда она оседлала его. Ее поцелуи были ожесточенными, ее страсть не морилась. Это был мир Клары, царство, где любовь и жажда переплетались в танцах, который был красивым и ужасным. Когда они занимались любовью, их тела движутся в симфонии желаний, он знал, что никогда не сможет полностью

покинуть это место, никогда не избегая притяжения к объятиям Клары. Вина все еще была там, тень в углу его разума, но она была одолела интенсивностью их связи.

Ночь выросла поздно, свечи сторели низко, набрав теплое сияние на их запутанные конечности. Они лежали там, тяжело дыша и истощены, их сердца вовремя бьется с городом на улице. Тишина была нарушена только отдаленным звуком саксофона, играющего скорбную мелодию.

Именно тогда дверь в квартиру открылась, и звук высоких каблучков на лиственном поле повторился через коридор. Девушка, которая поделилась квартирой с Кларой, наткнулась на то, что ее тушь спустила по щекам, ее глаза были красными со слезами.

«Марина», – крикнула Клара, прыгая с кровати и обернув халат вокруг себя. "В чем дело?"

Марина посмотрела на них, ее глаза мерцали со смесью гнева и боли. «Я встала», – рыдала она, ее голос густым от эмоций. «Он оставил меня в ресторане, унизил меня перед всеми».

Сердце Клауды вышло к ней, и он почувствовал устремление вины за радость, которую он нашел в руках Клары, пока она страдала. Но Клара уже была там, ее руки обнялись, шепча успокаивающими словами в ее волосы. «Шшш, – пробормотала она, – все в порядке. Он не стоит твоих слез».

И когда он наблюдал за Кларой Утешила ее подруги, он понял, что это тоже любовь. Любовь, которая предлагала поддержку и утешение, которая не была ревнивой или притяжательной, а открытой и дающей. Это была любовь, которая могла держать пространство для всех сложностей человеческого сердца.

Трое из них сидели там, таблица комфорта в комнате при свечах, их сердца, связанные сетью общего опыта и секретов. И когда ночь снова стала тихо, единственный звук, отдаленный вопль саксофона, Клаудио знал, что его жизнь была безвозвратно изменилась.

Он вернется в Турин с вновь обретенным пониманием любви, страсти и бесконечных возможностей, которые лежали перед

ним. И хотя он знал, что путь вперед будет чреват испытаниями, он чувствовал себя готовым встретиться с ними, вооруженный уроками, которые его учила Клара.

Когда каждое тело было спокойным и снова расслабленным было время, чтобы заснуть, Марина спросила, можно ли не остаться в покое ночью, Клаудио предложил спать на диване, но обе девушки настаивали на том, что кровать Клары была достаточно большой для всех них. С застенчивой улыбкой Клара взяла его за руку и привела его к кровати, их тела скручивались вместе, как виноградные виноградные лозы вокруг трэллеса.

Марина лежала на другой стороне, она вернулась к ним, молчаливый стражи дружбы и общей боли. И когда они лежали там, трое из них вместе в мягких объятиях кровати вместе с ними почувствовали мир, которого он не знал за долгое время. Это был мир, который прошептал о будущем, где любовь не была клеткой, а садом, где сердца стали дикими и свободными.

Он закрыл глаза, аромат волос Клары, заполняющий его ноздри, тепло ее тела против его утешения, которого он не ожидал. И когда Сон утверждал его, он знал, что сделал свой выбор, что он найдет способ полюбить их обоих, чтобы ориентироваться в коварных водах своих желаний.

Когда ночь углубилась, рука Клары протянулась с ее стороны кровати, ее пальцы чистили его обнаженную кожу. Он почувствовал толчок осознания, его тело отвечало на ее прикосновение, несмотря на его истощение. Медленно, мягко, она начала исследовать его, ее прикосновение, как будто она боялась разбудить его.

Но он не спал. Он знал о каждом ударе, каждой лаской, его теле, оживавшем под ее служение. Он чувствовал тепло ее взгляда на него, почти слышал тихий вопрос, который она задавала. И без слов он повернулся лицом к ней, его глаза запирались с ее.

В тусклом свете он увидел понимание в ее глазах, принятие того, что должно было произойти. Она скользила ближе, ее тело прижималось к его, ее дыхание тепло на его шее. И когда их поцелуи становились все глубже, более срочно, он

знал, что они пересекли линию, что их любовь стала чем – то большим, чем он когда –либо мог себе представить.

Марина, все еще на ее стороне, повернулась лицом к ним, ее глаза открылись, наблюдая за ними с взглядом, который был знаком и голодным. Он почувствовал ее руку на бедре, ее прикосновение к тихому приглашению, и, как рука Клары нашла его член, он знал, что это не сон, а реальность, которая была ужасной и волнующей.

Напряжение в комнате было электрическим, током, который пронзал их тела, когда рука Клары поднялась на его лицо, ее большой палец прослеживал линию его челюсти. Он знал, что может остановить это, что может отступить и отступить к безопасности своей вины и своей любви к Лоретте.

Но вместо этого он наклонился к поцелую, его рука попала в грудь Клары, ее сосок закреплял под его прикосновением. Мир за пределами спальни исчез, оставив только трех из них, связанного вместе желанием, которое было так же старым, как и само время.

Рука Марины стала смелее, ее пальцы обнимаются вокруг него, ее другая рука скользила в задницу Кубки Клары, подтянув ее ближе. Ощущение была ошеломляющей, симфония прикосновения, которая заставила его головокружение от похоти. Он мог чувствовать дыхание Клары в ее горле, когда он начал двигаться, его бедра толкались к ее руке, ищет больше.

Трое из них двигались вместе, путаница конечностей и вздохи, их тела говорят на языке, который не нуждался в словах. Как будто они танцевали, танец, который был как поставлен, так и импровизирован, каждое движение – декларация любви и похоти.

И когда наступил момент, когда он больше не мог сдерживаться, он отпустил, его тело спасения с удовольствием, его освободил тихий крик в ночь. Рука Клары продолжала качать его, ее глаза никогда не покидали его, ее собственное желание – собственное зеркало.

Когда он рухнул обратно на кровать, задыхаясь и потратив, он почувствовал странное сочетание эмоций. Вина, конечно, но также и чувство освобождения, чувство, что он

разблокировал часть себя, которая была скрыта. И когда он посмотрел в глаза Кларе, он знал, что он нашел не просто любовника, но и гида, женщины, которая приведет его в неизведанные воды своих желаний.

Они лежали там, их тела запутались вместе, единственный звук их рваное дыхание. И в этот момент Клаудио понял, что любовь была не простой вещью, а не бинарным выбором между двумя людьми. Это была сила, которая могла охватить весь мир, сила, которая могла разбить сердца и исправить их, все это одновременно.

Ночь снова стала тихо, свечи, отбрасывающие длинные тени на стену. И когда они перешли ко сну, их конечности все еще переплетались, он знал, что сделал шаг в мир, где любовь не знал границ, мир, где единственными правилами были правила сердца.

Утром они проснулись от звука города, отдаленного грохота движения и болтовни птиц за окном. Клара была первой, чтобы помешать, ее глаза открыли, что он обнаружил, что он смотрит на нее, внешний вид удивления на его лице. Марина лежала на животе, ее голова похоронила в подушке, одна рука бросилась на талию Клары. Она выглядела такой мирной, настолько довольной, что он не мог не почувствовать оттенка чего-то, что было почти как любовь к ней.

Они приняли душ вместе, теплая вода смыла остатки своей ночи страсти. Они не говорили, но их глаза сообщили о объемах, невысказанном обещании сохранения секретов и подкованной связи.

Когда они оделись, Клара повернулась к нему, ее серьезной взгляд. «Это ничего не меняет», – сказала она, ее голосовая фирма. «Наша любовь все еще наша. Но мы должны быть осторожны, ради всех участников».

Он кивнул, понимая гравитацию ее слов. Мир не был готов к своей любви, пока не. Но в святости рук Клары он чувствовал, что все возможно, что любовь может покорить все.

Они попрощались, Клара обещает навестить его в Турине, ее рука затянулась на его на мгновение дольше, чем

необходимо. И когда он вышел на парижскую улицу, солнце поднимается в золотом огне, он знал, что никогда не забудет лето 68 года, лето, которое навсегда изменило его жизнь.

Поездка на поезде обратно в Турин была размытым самоанализом и ожиданием. Он не мог дождаться, чтобы увидеть Лоретту, чтобы держать ее на руках, чтобы рассказать ей все. Но он знал, что слова не придут легко, это признание было обоюдоострым мечом.

Он воспроизводил события выходных в своем уме, вкус поцелуев Клары, ощущение ее тела против его. И все же, в его сердце все еще было место для Лауретты, сладость, которая была такой же чистой, как и снег.

Когда сельская местность катилась за пределами окна, он знал, что должен найти способ примирить свою любовь к обеим женщинам, чтобы найти баланс, который не оставит никого, кто чувствует себя снижающим или забытым.

Когда он прибыл на станцию, Лоретта ждала его, ее глаза светились от волнения. Он почувствовал приступ вины, когда поцеловал ее, ее невинность резко контрастировала с женщиной, которой он стал в Париже.

Но он отбросил мысли в сторону, вместо этого сосредоточившись на настоящем, тепло ее объятия, любовь в ее глазах. На данный момент он хранит свои секреты, похоронит их глубоко в своем сердце. И он будет дорожить всеми с ней, каждый поцелуй, каждое прикосновение.

Тем не менее, тень Клары задержалась, призрак, который шептал сладкому на ухе, призыв сирены, который стал громче с каждым ударом его сердца. Он знал, что не может игнорировать ее вечно, что правда в конечном итоге выйдет.

Но пока он держался за иллюзию нормальности, любви, которая была такой же простой, как детская рифма. И когда пришло время выбирать, он встретится с этим с мужеством, которой его научила Клара.

Дни проходили в размытии классов и украденных моментов с Лауреттой, их любовь к его душе. Тем не менее, ночи были

наполнены беспокойными мечтами о Кларе, ее тело изогнулось в экстазе под его прикосновением.

Он написал ее письма, длинные и страстные, рассказывая ей о своей любви к ней, о своих мечтах о будущем, где они могут быть вместе без вины и страха. И хотя он знал, что это было поручено дурака, он не мог не надеяться.

И вот, лето подошло к концу, листья превращаются в золото, а воздух становится свежим. И по мере того, как дни стали короче, так и время, которое он должен был решить, выбирать между любовью его прошлого и любовью его настоящего.

В тихие моменты, когда Лоретта не была с ним, он обнаружил, что задается вопросом, что делает Клара, с которой она была. И хотя он знал, что не имеет права чувствовать себя ревнивым, эмоции сторели в его груди, как бренд.

За ночь до того, как ему пришлось еще раз уехать в Париж, Лоретта лежала на руках, ее дыхание медленно и устойчиво. Он знал, что должен сказать ей, чтобы обнажить свою душу и надежду на ее понимание.

Он глубоко вздохнул и начал говорить, его голос дрожит от эмоций. «Есть что -то, что мне нужно сказать вам», - сказал он, его сердце мчатся. «Что -то, что произошло в Париже».

Ее глаза искали его, наполненные доверием и любовью. И когда он произносил слова, которые либо уничтожили бы их, либо освободили бы их, он молился Богу, которого он не уверен, что он верил в то, что она не отстранится, что она поймет.

«Я встретил кого -то», - признался он, его голос едва ли выше шепота. «Ее зовут Клара. И она научила меня вещам о любви, страсти, чего я никогда не знал».

Лицо Лауретты оставалось спокойным, маска безмятежности, которая противоречила шторму, который, как он знал, варил внутри нее. Она ждала, пока он продолжит, ее рука нежно лежала на его груди.

«Это был всего лишь один выходной, – сказал он, – но это изменило меня. Я люблю тебя, Лоретта, больше всего на свете. Но я тоже не могу отрицать то, что я чувствую к ней».

Между ними растянулась тишина, пропасть, которая, казалось, проглотила сам воздух. А потом она говорила, ее голос мягкий, но твердый. «Скажи мне все», – сказала она. «Мне нужно знать».

Итак, он сделал. Он рассказал ей о украденных поцелуях, страстных объятиях, ночах, проведенных в руках Клары. Он ничего не сдерживал обратно, обнажая свою душу, чтобы она увидела.

Когда он закончил, она долго молчала, ее глаза искали его. Затем она взяла его за руку, ее сцепление, ее голос устойчив. «Мы справимся с этим», – сказала она. "Вместе."

Вес его признания поднялся с его груди, он почувствовал вновь обретенное чувство надежды. Возможно, любовь не была игрой с нулевой суммой, возможно, она может расти и меняться, охватывая более двух сердец.

Ночь была теплой, воздух тяжелый с ароматом жасмина. Лауретта лежала на кровати, ее глаза закрылись, ее тело открыто для него. Он подошел к ней с обретенным почтением, его руки дрожали от ожидания.

«Я готова», – прошептала она, ее голос едва слышен. «Покажи мне, что ты узнал. Но, пожалуйста, будь медленным и очень нежным».

Ее слова наполнили его нежностью, которая была почти болезненной, любовью, которая была такой же обширной, как океан. Он знал, что должен быть достойным ее доверия, что этот момент был больше, чем просто удовольствием, речь шла о связи, росте.

Он начал с мягких поцелуев, исследуя ее тело с той же заботой и вниманием, чему его учила Клара. Каждое прикосновение было обещанием, каждая ласкала декларация любви.

Когда она становилась все более возбужденной, ее дыхание прижимается к ее горлу, он сосредоточился на ее клиторе, используя методы, которую Клара показала ему. Он наблюдал за ее лицом, ее глаза распахнулись, чтобы встретить его, молчаливую просьбу для большего.

Ее ноги широко распространились, ее бедра поднимаются, чтобы встретить его прикосновение. Он чувствовал, как ее тело затянулось вокруг него, ее мышцы сжались в ожидании. И когда он наблюдал за ней, когда он почувствовал, как ее поднимается поближе и ближе к вершине удовольствия, он знал, что сделал правильный выбор.

Комната была наполнена звуками их любовью, гладкой кожи на коже, мягкими криками, которые она не могла сдержать. And as she came, her body arching off the bed, her nails digging into his back, he felt a sense of triumph, of power that was unlike anything he had ever known.

Но это была не сила над ней, это была сила с ней, общий момент экстаза, который связывал их ближе, чем когда-либо могли сделать любые слова. И когда она рухнула на него, ее дыхание не было, он знал, что их любовь была преобразована.

«Снова», пробормотала она, ее голос – звонок сирены. «Я хочу большего, мне нужно больше».

Он взял ее грудь в руках, его большие пальцы почистили ее соски, наблюдая, как они гальни под его прикосновением. Он поцеловал ее за шею, ее ключицу, зубы пасали ее кожу, оставляя след огня.

Ее спина выгнута, ее грудь подталкивает к его рукам, ее тело просит больше. Он взял один в рот, сначала нежно сосал, затем сильнее, когда она ахнула и корчилась под ним.

Он сдвинул руку, его пальцы обнаружили ее влажность, ее жару. Он восхищался тем, как ее тело ответило на него, как она открылась, как цветок под его прикосновением.

Ее рука протянулась вниз, ее пальцы переплетались с его, направляя его до ее ядра. И когда он начал двигать

пальцами в нее, чувствуя, как она все еще нетронулась девственной девственной, ее глаза привязались к нему, он знал, что именно там он принадлежал.

С помощью нежного ритма он погладил ее, ее дыхание зажимало с каждым прикосновением. Он смотрел на ее лицо, как ее глаза закрылись, как покраснели ее щеки. Он почувствовал ее натяжение, ее тело намотало, как весна.

А потом она была там, ее спина выгнулась с кровати, ее оргазм прорезал ее, как шторм. Она закричала его имя, ее ногти копались в простынях, все ее тело дрожало от его силы.

Он ждал, давая ей время, чтобы спуститься с высоты, наблюдая за толчками удовольствий пролистать ее тело. И когда она, наконец, была неподвижной, ее дыхание даже, он наклонился, чтобы поцеловать ее, пробуя соль ее пота на ее губах.

«Спасибо», пробормотала она, ее глаза все еще закрыты. «Спасибо, что заставили меня чувствовать себя таким живым».

Он прошептал слова любви на ее шею, его рука все еще движется в ней, чувствуя ответ ее тела. И когда она стала влажной, более восприимчивой, он знал, что момент был правильным.

Медленно, так медленно, он позиционировал себя, его член подтолкнул к ее входу. She was tight, so tight, and he knew that this would hurt her. Но она была с ним, ее глаза открылись, ее рука сжимала его.

С одним последним, нежным толчком он преодолел ее барьер, чувствуя, как ее тело сжалось вокруг него. Она ахнула, ее глаза широко больно, но она не отстранилась. Вместо этого она обняла ноги вокруг его талии, ее каблуки копались в его спину.

Он держался неподвижно, давая ей время приспособиться, чтобы привыкнуть к ощущению его внутри нее. А потом, когда она кивнула, когда она прошептала: «Хорошо», он начал двигаться.

Их тела танцевали вместе, медленный и интимный танго, который стал более безумным с каждым ударом. Он смотрел на ее лицо, читая ее каждую эмоцию, каждый ее вздох. И когда он почувствовал, как она снова ужесточила вокруг него, он знал, что она была близка.

С одним последним ударом он послал ее через край, ее оргазм обрушился по ней, как волна. И когда она суетировала вокруг него, он отпустил, его собственный кульминация выпуска всех напряжений, которое строилось внутри него.

Они лежали там, их тела скользят от пота, их сердца бьют. И в тот момент, когда мир за пределами исчезал, он знал, что их любовь была запечатана не только с обещанием, но и с физической связью, которая никогда не может быть сломана.

Следующие дни были вихрем классов и украденные моменты вместе, их любовь – секрет, который, казалось, отличал их от всех остальных. И как время для его ухода, росло ближе, так же и неизбежный вопрос о том, что произойдет дальше.

Могут ли они действительно сохранить это в секрете? Может ли он по –настоящему иметь и Клару, и Лоретту в его жизни, не причиняя вреда никому? Или он был просто мальчиком, попавшим в фантазию, суждено потерять все, что действительно имело значение?

За ночь до его отъезда Лоретта лежала на руках, ее голову на груди, ее дыхание устойчиво и равномерно. Он уставился на потолок, его мысли мчались, его сердце тяжело с весом своих решений.

Он знал, что должен сказать Кларе, что она имела право знать, что происходит. Но мысль о том, чтобы потерять ее, о ее гневе и разочаровании, была почти слишком много, чтобы нести.

Со вздохом он поцеловал макушку головы Лоретты, ее волосы мягкие к его губам. Он найдет способ, он поклялся себе. Он найдет способ сделать эту работу, чтобы держать их все вместе.

На данный момент, однако, он держался за этот момент, этот идеальный кусочек времени, когда все было прямо в мире, где любовь не была выбором, а данью. И он носил это с собой, как талисман, когда он отступил на этот поезд, готов к тому, чтобы встретиться с тем, что удерживалось в будущем.

На этот раз путешествие в Париж резко контрастировало с бурным путешествием самопознания, которое он испытал раньше. Поездка на поезде осталась без осложнений, длинная, скучная последовательность часов, в которую Клаудио, наполненный прерывистыми дремительными и нерешительными попытками сосредоточиться на своей книге. Трепывание неизвестного было заменено утешительным знакомством его собственных мыслей, страниц его романа приветствуют побег из запутанной паутины его эмоций.

Сельская местность проходила мимо зеленого и золотого зеленого и золотого, нежное влияние поезда усыпляет его в пригодном сна. Он снова и снова читал одно и то же предложение, его разум бродил обратно к Кларе и Лоретте, двум женщинам, чья любовь изменила его понимание мира.

Он провел несколько недель, мучаясь из-за своего признания Лауретте, ожидая шторма гнева и предательства. Вместо этого она встретила его откровение с спокойствием, которое удивило и смирило его. Ее готовность исследовать, расти вместе с ним, заставила его чувствовать обнадеживающее, но также обремененное ответственностью за навигацию по этой неизведанной территории.

Краткий удар колес поезда против треков стал успокаивающей колыбельной, и он обнаружил, что вошел в легкую дозу, устойчивый ритм метроном для его ночных мыслей. Пойдет ли Клара свою вновь обретенную приверженность Лоретте? Может ли их любовь противостоять расстоянию и знаниям, что он больше не был исключительно ее?

Когда поезд въехал на станцию, Клаудио почувствовал вес его решений, давившись на него. Он вышел в холодный парижский воздух, аромат свежего хлеба и дизельного топлива напоминает о том, что он был далеко от тихого

утешения Турина. Город поманил его своей яркой жизнью, его улицы шептали страсти и секреты.

Но теперь у него была миссия, обещание сохранить. Он найдет Клару, расскажет ей все и надеется, что она сможет увидеть глубину его любви к ним обоим. Путешествие впереди было чревато испытанием, но он был готов столкнуться с ними, чтобы бороться за любовь, за которую он знал, стоила бороться.

У улицы Парижа бульжники были новой очарование, соблазнительный танец возможности, который взволновал и испугал его. Он знал, что путь перед ним был нелегким, но он также знал, что он больше не наивный мальчик, который сначала вышел из этого самого поезда, широко удивлены и сердцем, не подлежащими сложностям любви.

Он пробился через город, карту студии Клары запечатлелась в его голове. Ожидание росло с каждым шагом, его сердце разбивалось в груди, как бас - барабан. Как она отреагирует? Пойдет ли она или выбросит его, их выходные страсти превратились в простой летний бросок?

Когда он поднялся по лестнице к ее квартире, он репетировал свою речь, слова - gobelen любви, надежды и сожаления. Он остановился за ее дверью, дрожа, когда он поднял ее, чтобы постучать. Будущее казалось ужасным и волнующим, полон потенциала, который растягивался перед ним, наполненный цветами, о которых он никогда раньше не осмелился мечтать.

Он глубоко вздохнул, ставлирую себя за все, что было впереди. Принял ли Клара свою любовь или нет, мог ли он найти способ держать обеих женщин в своей жизни, он знал, что вырос, что он уже не тот, кто покинул Турин.

Стук эхо прозвучал через коридор, заявление о намерениях, которое, казалось, резонировало через самую душу. Дверь распахнулась, и там она была женщина, которая изменила его мир, ее глаза искали его, ее улыбка предварительно. «Клаудио», - сказала она, ее голос теплый ласка, которая послала дрожь по позвоночнику. "Что приводит тебя сюда?" Он вошел в квартиру, аромат ее духов, смешался со слабым ароматом свежей краски и скипидана. Студия была так, как он помнил, наполненной светом и жизнью, свидетельством

яркого духа Клара. Он взял ее за руку, его голос устойчив, когда он произносил слова, которые либо исправят трещины в его сердце, либо разбили его на миллион невозможных кусочков.

«Клара, – начал он, его голос густым от эмоций, – мне нужно поговорить с тобой. Я знаю, что я не могу просто прийти сюда и ожидать, что ты все бросишь, но я должен был увидеть тебя, прежде чем ты уйдет».

Ее глаза искали его, намек на любопытство в их глубине. "Что это такое?" – спросила она, ее захват рук затягивает.

Он глубоко вздохнул, слова в спешке, упавших из его рта. «Я поехал в Турин и провел самую удивительную неделю с Лауреттой», – признался он, наблюдая за ее лицом за любые признаки гнева или боли. «Но я не могу не думать о тебе, о нас. Я люблю тебя, Клара, больше, чем когда –либо думал».

Выражение ее выражения оставалось нечитаемым, ее глаза неближающимися. "Что вы говорите?" спросила она, ее голос обманчиво спокойный.

Он взял ее руку в его, его пальцы трассировки на ее ладони. «Я хочу, чтобы вы знали, что независимо от того, что происходит, у вас всегда будет кусок меня», – сказал он, его голос взломал. «И я хочу дать тебе что –нибудь, чтобы вспомнить меня».

Он простился в карман, вытащив небольшую бархатную коробку. С дрожащими руками он открыл его, чтобы обнаружить нежное золотое ожерелье с медальоном в форме сердца. Внутри крошечная фотография их двоих, сделанная во время их последних выходных вместе, уставилась на него, напоминание о любви, которой они поделились.

Ее глаза расширились, ее рука летала ко рту. «Это красиво», – прошептала она, слезы блестели в ее глазах.

Он наклонился, прижимая лоб к ней. «Всякий раз, когда вы смотрите на это, помните, что я думаю о вас», – сказал

он, его голос едва слышал. «И что независимо от того, где мы находимся, мы всегда будем подключены».

Тишина простиралась между ними, напряжение ощутимо. А потом она поцеловала его, мягкий, продолжительный поцелуй, который говорил о любви, которая не знала границ. «Спасибо», – пробормотала она в его губы. «Я буду дорожить этим всегда».

Их тела, казалось, талились друг в друга, поцелуй углубляясь, когда они искали утешение в тепле своих объятий. Комната развернулась вокруг них, внешний мир забыл. В этот короткий момент были только Клара и Лоретта, их любовь – осязаемая сила, которая преодолела ограничения времени и пространства.

Когда они развалились, глаза Клары обыскали его, молчаливый вопрос, затягивающий в их глубине. «Я понимаю», – наконец сказала она, ее голос шепотом. «Но ты должен обещать мне одну вещь».

«Все, что», – дышал он, его сердце в горле.

«Всякий раз, когда вы с ней», – сказала она, ее голос фирмой, – не думайте обо мне. Дайте себе полностью, как вы дали мне. Это единственный способ, которым мы все можем найти счастье ».

Вес ее слов сильно обосновался на его плечах, но он кивнул, понимая гравитацию ее просьбы. Он знал, что не может пробиться в два мира, что должен быть верным как для Клары, так и Лауретты.

Они стояли там, проиграли в тишине, тикает часов на стене, резкое напоминание о том времени, которое проскальзывает их пальцы. И когда солнце начало задавать, рисовать студию в мягком, золотом свете, они оба знали, что их время вместе подходит к концу.

Клара отстранилась, ее глаза светились от непредоставления слез. «Я должна закончить упаковку», – сказала она, ее голос густым. «Мой рейс уходит рано утром завтра».

Он кивнул, его собственные глаза наполнились слезами. «Я вернусь на ужин», – сказал он, его голос сырым. «У нас будет ночь вместе, как старые времена».

Ее улыбка была грустной, но наполненной теплом, которое заставило его сердце болеть. «Мне это хотелось», – сказала она, ее голос едва ли выше шепота. «8:30 Шрай, не опоздай».

С одним финальным, затяжным поцелуем, они расстались, обещание вечера придет маяк надежды во времена неопределенности, который продвигался впереди. Когда дверь нажала, закрылась за ним, Клаудио глубоко вздохнул, зайдя себя на ночь, которая либо очистила его сердце, либо безвозвратно разбила его.

Он понятия не имел, что удерживает будущее, но он знал, что столкнется с этим с мужеством и любовью, которой его научила Клара. И когда он спустился по лестнице, охлаждение вечернего воздуха оборачивалось вокруг него, как объятия любовника, он чувствовал себя готовым к тому, что пролетел впереди.

Клара отступила к безопасности своего холста и краски, нуждаясь в утешении своего искусства, чтобы обработать взрыв эмоций, которые визит Клаудио взволновал в ней. Цвета размылись вместе, когда она работала, хаотичный танец страсти и боли, любви и потери.

Часы, проведенные, тени росли долго, и студия стала тихой. Только случайная щелка стакана и мягкий свист кисти на холсте заполняли пространство, пронзительное напоминание о надвигающемся прощании, которое висело в воздухе.

Когда часы набрали 8:30, Клара отложила в сторону свою кисть и глубоко вздохнула, набравшись на вечер впереди. Она приняла решение; Она не позволила бы весу прошлого или страха перед будущим, в течение которого она оставила с человеком, которого она любила.

Дверь открылась, и Клаудио вошел, выглядя более красивой, чем она вспомнила, его глаза наполнены жестокой любовью, которая заставила ее сердце болеть. Она предложила ему шаткую улыбку, и воздух между ними потрескивал

напряжение, которое было одновременно наэлектризованным и душераздирающим.

Ужин был тонким танцем слов и взглядов, их разговор – гобелен общих воспоминаний и тихих признаний. Еда была простой, поэтическое отражение их сложных отношений – тарелка спагетти –аль –Помодоро, бутылку чианти и две души, переплетенные любовью и судьбой.

Ночь протянулась перед ними, полотна возможности, которая, казалось, расширялась с каждым общим смехом, каждый шепот секрет. И когда Луна поднялась высоко в небе, они отступили до комфорта кровати Клары, их тела переплелись в тихой обещании того, что должно было произойти.

Их любовь была свидетельством их роста, симфонией удовольствия, которая была бы так же, как и о получении. Клара научила его читать ее тело, слушать ее каждый вздох и стон, чтобы найти идеальный ритм, который послал бы ее паря.

И когда ранний утренний свет начал просачиваться сквозь трещины в ставнях, они лежат там, их сердца бьют синхронизацию, их дыхание смешивается в неподвижности. Мир снаружи может ждать; На данный момент все, что имело значение, было теплом объятий друг друга и любви, которая связывала их вместе.

С первым светом рассвета Клара осторожно вытеснилась от рук Клаудио, ее глаза наполнились решимостью, которая говорила громче, чем слова. Ей пришлось уйти, чтобы покинуть это место и человека, которого она любила. Но она знала, что будет нести его с собой, тайное пламя, которое навсегда горит в ее сердце.

Быстро одеваясь, она упаковала последнюю из своих вещей, ее движения эффективные, но пронизанные глубокой грустью. Когда она повернулась лицом к нему, она знала, что должна быть сильной, ради обоих. «Спасибо», – прошептала она, ее голос хриплен с неопеденными слезами. «Спасибо за эту прекрасную ночь».

Он наблюдал за ней, его глаза наполнены любовью, которая была такой же обширной, как горизонт. Он знал, что это

было до свидания, но он также знал, что их история любви была далеко не завершена. «Я буду здесь», – сказал он, его голос сильный. «Всякий раз, когда я тебе понадобится, я буду здесь».

Они поделились одним последним, отчаянным поцелуем, вкусом друг друга горько – сладким напоминанием о любви, которую они нашли, и о жизни, которую они оставляли. И когда Клара исчезла в раннем утреннем свете, ее багаж в руке, Клаудио почувствовал, как кусок его души идет с ней.

Квартира была жутко тихой, эхо их любви преследуют пустые пространства. Он медленно одевался, его движения лидировали, каждая статья о одежде, тихое признание реальности, которая встала. У него был выбор, путь к кузнице, и это был тот, который сформировал бы всю оставшуюся жизнь.

Когда солнце взошло, набрав мягкое свечение над городом любовников, Клаудио дал молчаливую клятву. Он выполнит желание Клары, он будет дорожить Лореттой всем, что он узнал, и он будет стремиться быть человеком, которого они оба заслужили. Ибо любовь не была владением, а путешествием, серией моментов, которые, как сплетены вместе, сформировали гобелен хорошо прожившей жизни.